

Ларионова Татьяна Владимировна

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ОТ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ К СОЦИОКОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЕ

В статье рассматривается проблема дисциплинарного статуса феномена речевой агрессии и делается попытка описания его лингвистической природы. Автор анализирует речевую агрессию с точки зрения практик речевого общения, принятых в лингвокультурном сообществе. В качестве архетипа данной практики выступает практика взаимодействия с материальным субстратом среды (своим и чужим пространством). На основе анализа языкового материала автором выделены типы практик речевой агрессии, которые соотносятся с коммуникативно-ориентирующей социокогнитивной матрицей интенционального воздействия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 117-120. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Kushnir Ol'ga Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Martyushev Ivan Anatol'evich
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
info17275@mail.ru; 167982@gmail.com

Linguistic expertise of the document (document text) is one of the special types of linguistic expertise. Meanwhile, the purposes and methods of conducting such an expertise are not the same for an official document at the stage of its design and at the stage of its application. In the first case an examination of legal acts is carried out, which is aimed at assessing the correspondence of the text to linguistic norms, stylistic and compositional features. In the second case the expertise is conditioned by the need to establish the literal meaning of certain positions of the text of the document.

Key words and phrases: linguistic expertise; legal linguistic expertise; documentation text; official document; legal force of document; document design; document application.

УДК 81-25

В статье рассматривается проблема дисциплинарного статуса феномена речевой агрессии и делается попытка описания его лингвистической природы. Автор анализирует речевую агрессию с точки зрения практик речевого общения, принятых в лингвокультурном сообществе. В качестве архетипа данной практики выступает практика взаимодействия с материальным субстратом среды (своим и чужим пространством). На основе анализа языкового материала автором выделены типы практик речевой агрессии, которые соотносятся с коммуникативно-ориентирующей социокогнитивной матрицей интенционального воздействия.

Ключевые слова и фразы: речевая агрессия; коммуникативное действие; коммуникативное поведение; речевая практика; социокогнитивная матрица; конфликтность; интенциональное воздействие.

Ларионова Татьяна Владимировна, к. филол. н.
Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
tnesheva@yandex.ru

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ОТ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ К СОЦИОКОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЕ

Изучение феномена речевой агрессии носит междисциплинарный характер. Право описания природы данного явления, выделения основных категориальных признаков оспаривают представители философских, лингвистических, психологических и смежных с ними наук. Несмотря на конкретизирующее определение «речевая», обойтись только лингвистическим методологическим аппаратом в описании данного явления не представляется возможным. Многочисленные современные исследования речевой агрессии в отечественной и зарубежной практике в большей степени представляют собой многоплановые работы, привлекающие исследовательские методы как общенаучного характера, так и специальные смежно научные процедуры.

Лингвистическая наука также не дает однозначного определения речевой агрессии. Немаловажную роль в этом, на наш взгляд, играет, во-первых, «возраст» данного явления в бытовом и научном сознании, что обусловливает стирание некоторых архетипических черт, изначально присущих данному явлению, во-вторых, влияние авторитетных исследований в области психологии, социологии, биологии и даже генетики, которые иногда «отвлекают» исследователя от лингвистической составляющей. Первый фактор обусловил «застывание» негативной коннотации в семантическом ядре понятия, в то время как изначально агрессия и ее виды интерпретировались относительно нейтрально. Латинское происхождение слова «агрессия» отсылает к тактике государственной политики (от лат. «aggressio» – «нападение» [12]). Ю. Б. Можгинский, изучая детскую и подростковую агрессию, отмечает двойственность данного явления, т.к. агрессия может быть в том числе «феноменом роста, развития» [9, с. 8].

Второй фактор обусловил неопределенность статуса речевой агрессии в лингвистических исследованиях. В зависимости от выбора единицы и методологического аппарата исследования речевая агрессия рассматривается как: 1) коммуникативное действие / проявление / коммуникативный акт; 2) речевое поведение.

Речевая агрессия как коммуникативное действие, как правило, рассматривается в аспекте психологических факторов (психолингвистический подход). Данный подход соотносится с психологической теорией деятельности и ставит в центр исследования контекстные условия (в первую очередь психологическое и эмоциональное состояние участников общения) возникновения речевой агрессии. Возможно, это объясняет, почему одной из ядерных форм речевой агрессии в этом случае становится «враждебная эмоциональная агрессия». Данный факт подтверждается исследованием особых проявлений речевой агрессии, табуированной лексики, например, использование которой в большей степени связывают с необходимостью эмоциональной разрядки [6]. На наш взгляд, изучение речевой агрессии в рамках психолингвистического подхода более глубоко концентрируется на анализе способов и условий проявления речевой агрессии, чем на природе ее возникновения, очевидно, соотнося данный вопрос с областью психологии и связанных с ней наук. Исходя из данного

подхода, сложно объяснить, в частности, использование инвектива в качестве иронии, сарказма, что является достаточно распространенным явлением для русскоязычного лингвокультурного сообщества.

Рассмотрим пример:

1) Героиня фильма «Благословите женщину» Вера в разговоре с пасынком Юрой называет его «балдой», т.к. он не хочет называть отца «папой»,

при этом интонация, фонетическое оформление речи не подтверждают наличие речевой агрессии, т.к. ее высказывание не имеет «злонаправленный характер причинения вреда жертве» [11, с. 253-254].

К. Ф. Седов называет данное явление «невраждебной агрессией», «агрессией лишь по форме» [Там же, с. 261], т.к. она не может трактоваться как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [Там же, с. 254]. В данном случае дискурсивные условия общения являются необходимым кодификатором определения, что является агрессией, что нет. Дискурс общения героини фильма с ребенком приближен к доверительному дискурсу матери и ребенка и исключает враждебность в общении.

Коммуникативно-дискурсивный подход в изучении речевой агрессии несколько расширяет область анализа, создавая более крупную и сложную единицу изучения. Т. А. Воронцова в своем исследовании «Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход» отмечает двуплановость данного феномена: «Речевая агрессия – конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъектно-объектный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата. Речевая агрессия может проявляться в рамках любого типа общения (межличностного, группового, массового) и любого дискурса, независимо от его временных и национальных факторов» [4, с. 109]. В этом отношении изучение речевой агрессии неотделимо от анализа дискурсивных условий ее возникновения и развития.

Рассмотрим пример:

2) В популярной телепередаче «Наедине со всеми» на вопрос ведущей программы Юлии Меньшиковой о личной жизни гостя Людмила Максакова ответила: «Душенька, давай поговорим о высоком!». В дальнейшем все попытки ведущей задавать вопросы о близком окружении гостя резко пресекались.

Данный пример является презентацией не прямой речевой агрессии. Однако интерпретация скрытых смыслов высказывания возможна только с учетом всего дискурса. Реакция ведущей программы на слова героини подтверждает тот факт, что цель речевой агрессии достигнута: «При подготовке мы всегда ориентируемся на большой объем разных интервью героя и приблизительно понимаем темы, которые не окажутся для него новыми и неловкими. Именно поэтому для меня, да и для всей команды, атмосфера разговора стала полной неожиданностью» [5]. «Правильная» интерпретация речевой агрессии соотносится с «правильной» интерпретацией дискурса и дискурсивных условий ее возникновения. В исследовании «Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике» В. Г. Борботько пишет: «Можно предположить, что любой носитель языка неосознанно владеет неким ключевым принципом, позволяющим ему молниеносно отслеживать смысловые взаимодействия единиц на всех уровнях дискурса» [3, с. 8]. Данный «ключевой принцип» обеспечивает причины использования и стратегии функционирования языковых средств в конкретном дискурсе.

Речевая агрессия как речевое поведение, с одной стороны, задается общим типом дискурса на основании «ключевого принципа», осознаваемого источником агрессии, с другой стороны, поддерживает этот дискурс как конфликтогенное речевое поведение.

Обратимся еще к одной особенности дискурсивного подхода в изучении речевой агрессии. В реальной ситуации общения дискурс представляет собой динамическую структуру, обладающую моделирующей функцией. Подобная подвижность обеспечивает функционирование скрытых иллокутивных смыслов, т.к. позволяет создавать несколько уровней (моделей) реальности в рамках одного типа дискурса. Это объясняет, почему в некоторых ситуациях инвективы не расцениваются участниками общения как речевая агрессия, и наоборот, почему семантически далекая от оскорбления лексика становится элементом речевой агрессии. Данная «карнавальность» языка [1], на наш взгляд, является результатом существования в рамках одного дискурса двух полярных моделей реальности: реальной и квазиреальной [3]. Если реальная модель стремится к отражению всех элементов соответствующего дискурса в узнаваемой для участников общения форме, то «квазиреальная модель создает образ эфферентно: синтезирует его, конструирует из языковых выражений. По способу своего образования квазиреальная модель оказывается обратной, асимметричной по отношению к модели реальности» [Там же, с. 150].

Рассмотрим пример:

3) В пассажирском автобусе из-за нежелания молодой девушки уступить место женщине возник конфликт, результатом которого стал следующий диалог:

– Господи, деточка, откуда тебя выпустили? [реплика женщины]

– Это тебя откуда выпустили! Иди, а то я тебе двину, сейчас вылетит! [реплика молодой девушки]

Очевидно, что в данной ситуации сообщение «откуда тебя выпустили», относящееся к реальной модели дискурса, не имеет никакого реального прототипа. На первое место выходит квазиреальная модель, созданная благодаря конфликтовому дискурсу. Необходимость в эмоциональной разрядке, желание вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у своего «противника» с помощью различных языковых выражений, не прибегая к физическому контакту, создает переход от реальности к квазиреальности, оторванной от времени и пространства реальной ситуации общения.

Сложная дискурсивная структура, наличие двух моделей реальности, само понятие квазиреальности должны создавать определенные трудности в интерпретации высказываний участников общения. Тем не ме-

нее в описанной ситуации (пример 3) не только говорящие, но и свидетели (в том числе автор данной публикации) трактовали диалог как проявление речевой агрессии. Одна из пассажирок данного маршрута охарактеризовала поведение молодой девушки как «агрессивное». Вновь возникает вопрос о «ключевом принципе», позволяющем «правильно интерпретировать» коммуникативную ситуацию.

Предположим, что речевая агрессия не только особое речевое действие или речевое поведение, но и определенный стереотип поведения, возникающий как результат взаимодействия с членами конкретного лингвокультурного сообщества. В этом случае речевая агрессия, ее речевые маркеры входят в речевой репертуар каждого представителя лингвокультурного сообщества. Несмотря на ситуативную обусловленность выбора языковых и речевых средств для выражения агрессии (эмоциональное и психологическое состояние участников общения), динамичную природу дискурса, создающего альтернативу для использования этих средств, существует еще и практика их употребления, которая складывается из опыта межличностного общения.

Используя термин «практика общения», мы обратились к опыту описания данного лингвистического феномена в работе А. В. Колмогоровой «“Мамин язык”: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции». Рассматривая практику общения в контексте взаимодействия матери и ребенка, исследователь, во-первых, анализирует ее как единицу коммуникативной компетенции представителя лингвокультуры, тем самым определяя ее априорность для существования в этой лингвокультуре, во-вторых, раскрывается ориентирующая функция практики общения, которая на подсознательном уровне «встраивает» ребенка в лингвокультуру [7, с. 69-70]. Следовательно, речевая агрессия не может не выполнять одну из значимых функций языка – ориентирующую [8]. Данное предположение объясняет наличие в семантическом ядре понятия агрессии «положительной» коннотации, о которой говорилось в самом начале. Наряду с различными практиками общения, речевая агрессия также имеет свое место в общей модели встраивания и существования индивида в своем лингвокультурном сообществе и является неотъемлемой частью социокультурной когнитивной матрицы как модели взаимосвязи и взаимоотношений, которая, в свою очередь, регулирует социальную интеракцию [7]. Следует, однако, пояснить понятие «релевантности» поведения в рамках социокультурной когнитивной матрицы. Ориентирующая функция и релевантная модель поведения в отношении речевой агрессии носят сложный и не всегда очевидный характер. В этом отношении необходимо обратиться к самой природе когнитивной матрицы.

Предложенный сначала в зарубежной лингвистике и получивший свое развитие в отечественных исследованиях Н. Н. Болдырева и его учеников «матричный формат знаний» предполагает многоаспектность и многоплановость формирования значения (в контексте нашего исследования – функции речевой агрессии) в лингвокультурном сообществе, что может объяснить противоречивость ориентирующей функции речевой агрессии, с одной стороны. С другой стороны, значимой представляется и структура когнитивной матрицы в виде ядра (объекта мысли) и периферии (когнитивных контекстов) [2], которая объясняет причину использования разнообразных языковых и речевых средств для выражения речевой агрессии: от инвектива (очевидного проявления агрессии) до комплимента (для маркирования иронии или сарказма). «Матричный формат знаний» предполагает использование речевых практик для формирования различных моделей социокогнитивных матриц.

Обратимся вновь к описанным практикам материнского взаимодействия с ребенком как архетипам социального взаимодействия индивида с обществом, представленным в исследовании А. В. Колмогоровой «“Мамин язык”: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции». Одной из описанных исследователем практик является практика, ориентирующая на «взаимодействие с материальным субстратом среды», в качестве которого, в частности, выступает личное пространство матери или ребенка [7, с. 139]. Данная практика позволяет ребенку локализовать свое (личное) и чужое пространство, упорядочить свои движения, определить свою зону комфорта, в будущем определять «своих» и «чужих», что вписывается в «социокогнитивную матрицу мониторинга степени проницаемости границ собственного социального “тела”» [Там же, с. 145]. В целом речевые практики, направленные на моделирование данной матрицы, призваны формировать опыт положительного взаимодействия, сотрудничества с окружающими. Некоторые практики речевой агрессии также призваны осуществлять мониторинг границ своего пространства через его сужение и расширение.

Сужение пространства необходимо говорящему:

1) для защиты своего пространства с использованием лексики, обозначающей движение и его направление на и от себя (*Давай, **топай** (Елена Хаецкая. Хальдор из светлого города); Слушай – ты **достал** уже меня с твоими двумя сотнями баксов! (Валерий Попов. Грибники ходят с ножами (1997))* [10], табуированной лексики, включающей названия частей тела, которая «выбрасывает» адресата из личного пространства говорящего;

2) для маркирования «своих» и «чужих» через понижение статуса объекта агрессии (*Ты, **вражья морда**, говори, да не заговаривайся! (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978))* [Там же].

Расширение своего пространства осуществляется за счет внедрения в чужое и установления власти над объектом агрессии (*Ну, **сейчас я покажу тебе, как нападать на нас** (Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995))* [Там же].

Стремление воздействовать на адресата, установить свое превосходство над объектом речевой агрессии является отличительной чертой анализируемой речевой практики. В отличие от «наставнического присутствия», маркирующего материнскую практику общения с ребенком [7, с. 141], насилие, проявляемое субъектом речевой агрессии, носит конфликтогенный характер, сталкиваясь с сопротивлением, активным или пассивным, т.к. объект агрессии также защищает свое личное пространство. В этом случае когнитивный контекст

речевой агрессии вписывается в особую социокогнитивную матрицу, назовем ее коммуникативно-ориентирующей матрицей интенционального воздействия. Анализ языкового материала позволил выделить следующие практики речевой агрессии:

1) выражение эмоционального состояния (*Бронька наводит на жену строгий злой взгляд. Говорит негромко с силой: – Миль пардон, мадам... Счас ведь врежу!.. (Василий Шукшин. Миль пардон, мадам! (1968))*) [10];

2) выражение оценочного суждения (*Это безобразие... Произвол! Вы не имеете права! (Георгий Жженов. Прожитое (2002))*) [Там же];

3) создание особого типа коммуникации, в частности, псевдиалога («*Вычеркну-ка я этот дурацкий абзац. Зачем он нужен?!*») Но внутренний голос ему отвечает: «*Что ты делаешь, ненормальный? Ведь это же как минимум шесть рублей. Кило говядины на рынке...*») Не будем отвлекаться (*Сергей Довлатов. Переводные картинки // Иностранная литература. 1990. № 9*) [Там же];

4) создание речевого имиджа контролера и «хозяина положения» («*Эй! А это у тебя что? – Сазон перестал возиться с молнией на штанах и обратил внимание на сумку. – Ну-ка дай сюда! – Он грубо вырвал сумку из Милиных рук... (Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000))*») [Там же].

Очевидно, что описанные практики речевой агрессии не могут выступать в качестве «чистых» и однозначных примеров. Релевантность того или иного признака интенционального воздействия оценивается в совокупности со всей коммуникативной ситуацией. Тем не менее представленный в данной статье подход к анализу речевой агрессии через «матричный формат знаний» позволил, на наш взгляд, выявить природу данного явления. Выступая в качестве практики общения, речевая агрессия создает особый когнитивный контекст за счет своей соотнесенности с некоторыми архетипическими практиками общения и является структурным элементом коммуникативно-ориентирующей социокогнитивной матрицы интенционального воздействия. Данная матрица формирует контролирующую позицию говорящего, позволяя ему защищать, расширять свое коммуникативное пространство или «захватывать» чужое с целью управления или манипулирования.

Список источников

1. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5080970> (дата обращения: 14.05.2017).
2. **Болдырев Н. Н., Алпатов В. В.** Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5-14.
3. **Борботько В. Г.** Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. 3-е изд-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 288 с.
4. **Воронцова Т. А.** Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 109-116.
5. **Ефимов С. Ю.** Юлия Меньшова: Я не «говорящая голова» – мне не диктуют, что спрашивать [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <http://www.nsk.kp.ru/daily/26371/3252835> (дата обращения: 25.04.2017).
6. **Жельвис В. И.** Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств // Социальная психолингвистика: хрестоматия / сост. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 278-322.
7. **Колмогорова А. В.** «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции. М.: Флинта: Наука, 2013. 168 с.
8. **Кубрякова Е. С.** В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.
9. **Можгинский Ю. Б.** Агрессивность детей и подростков – распознавание, лечение, профилактика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyoffice.ru/3581-mozhginskij-ju.b.-agressivnost-deteij-i.html> (дата обращения: 07.05.2017).
10. **Национальный корпус русского языка (НКРЯ)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.04.2017).
11. **Седов К. Ф.** Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика: хрестоматия / сост. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 250-277.
12. **Шанский Н. М., Боброва Т. А.** Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов [Электронный ресурс]. М.: Дрофа, 2004. URL: etymological.academic.ru/39/агрессия (дата обращения: 23.05.2017).

VERBAL AGGRESSION: FROM VERBAL PRACTICE TO SOCIO-COGNITIVE MATRIX

Larionova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
tnesheva@yandex.ru

The article considers the problem of the disciplinary status of the phenomenon of verbal aggression. An attempt is made to describe its linguistic nature. The author analyzes the verbal aggression from the point of view of the practices of speech communication, taken in a linguistic-cultural community. The practice of interaction with the material substrate of the medium (one's own and other's space) serves as the archetype of this practice. Based on the analysis of linguistic material, the author identifies the types of practices of verbal aggression, which is correlated with the communicative-orienting and socio-cognitive matrix of intentional exposure.

Key words and phrases: verbal aggression; communicative action; communicative behaviour; verbal practice; socio-cognitive matrix; conflictogenity; intentional impact.